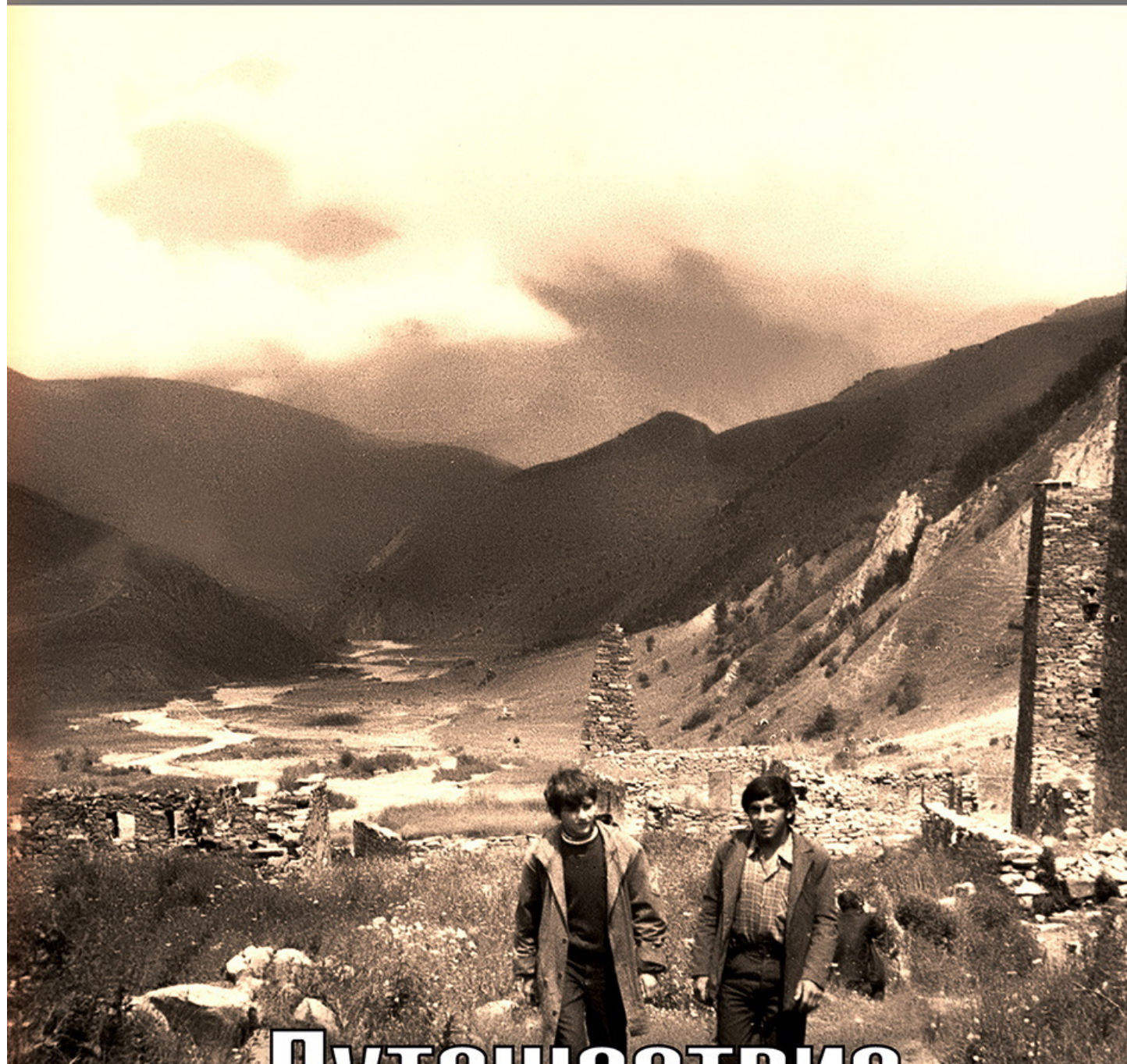

Генрий КУСОВ

**Путешествие
в былое**

Генрий Кусов

**Путешествие в былое. Картинки
неофициальной истории**

«Издательство ИР»

2026

ББК 84(2-521.323)6-4

Кусов Г. И.

Путешествие в былое. Картинки неофициальной истории /
Г. И. Кусов — «Издательство ИП», 2026

ISBN 978-5-7534-1925-5

В книге содержится уникальный материал по истории, культуре, географии нашей республики, собранный автором по крупицам, а также воспоминания о друзьях, товарищах, об интересных людях, встреченных им на жизненном пути. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

ББК 84(2-521.323)6-4

ISBN 978-5-7534-1925-5

© Кусов Г. И., 2026
© Издательство ИП, 2026

Содержание

Песок на ладони	6
Если завтра война	8
Шпион в белых подштанниках	13
Счастливая Клава	16
Браслет из янтаря	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Генри Кусов

Путешествие в былое. Картинки неофициальной истории

Посвящаю бабушке Липе и родителям Измаилу и Евгении Кусовым

Владикавказ 2026

© Оформление. ГАУ РСО-Алания «Издательство «Ир», 2018

© Кусов Г.И., 2018

© Габуев А.Ю., дизайн, 2018

Песок на ладони (вместо предисловия)

Очень давно, в детстве, прыгая с моста, который называли Фарновским, в Терек (наиболее опытные прыгали головой вниз), мы, пацаны посёлка Бесланкомбината, выплыв на ближайшем перекате, зарывались в горячий песок. Дрожа от холода, я машинально хватал ладонью песок, перетёртый камнями и галькой, и наблюдал, как блестящие серые песчинки просыпаются сквозь пальцы, оставляя на ладони серую плёнку пыли. Впоследствии, уже начав писать книги, мне иногда снился сон, как просыпаются, как песок сквозь пальцы, факты, которые я долго собирал, а я не могу их удержать.

Описать всё, что было интересного в жизни, в одной статье, рассказе или книге невозможно. И всё же... Никогда не забуду, как в далёкие 60-е годы угощали меня в селе У нал грушами, величиной чуть ли не с футбольный мяч. А надо сказать, что унальский колхоз был единственным в республике, в котором приусадебные участки считались колхозными землями. Садовод, столетний Дженалдико, угощая меня диковинными грушами, озирался по сторонам, чтобы нас не заметил бригадир. Одну из груш я одолел за полчаса, вторую отвёз в редакцию «Молодого коммуниста», вызвав там взрыв удивления всего коллектива, решившего вначале, что их спецкорреспондент подсунул им муляж из воска.

...Законы чести, о которых писал Коста Хетагуров в поэме «Фатима», сложно было понять поколению 60–70-х годов прошлого века. Поколению, воспитанному постсоветским временем и порой несправедливо обвиняемому в беспамятстве, тоже сложно понять своих дедов и прадедов, многое из того времени они воспринимали как сказку. Поэтому так важно сохранить для них всё, что не попало в официальную историю, чему суждено исчезнуть навсегда подобно терскому песку с ладони.

На северо-западной окраине селения Брут, там, где сейчас находятся крупные зеркала озёр рыбного хозяйства, в послевоенные годы было множество родников, которые, сливаясь в родниковые протоки, давали возможность строить на них колхозные мельницы. Одна из них, принадлежащая заманкульскому колхозу им. С.М. Будённого, располагалась среди зарослей плакучего ивняка с камышом и рогозом. Из селения Заманкул к ней вела грунтовая дорога, заканчивавшаяся перед плотиной. Здесь на небольшой поляне останавливались приезжающие перемолоть пшеницу. Кукурузу измельчали на самодельных крупорушках. В то лето мельником на ней работал старший брат моего отца дядя Знаур. Однажды моя городская тётя Зга, зная мою любовь к поездкам и путешествиям, взяла меня на несколько дней погостить на сельской мельнице. Она целыми днями стирала и штопала брату одежду, а я уже с утра готовился к ночной рыбалке у плотины. Как только на небе зависал яркий серп луны, дядя говорил: «Пора». Перед тем как погрузить в запруду у плотины громадный сачок, он выкуривал сигарку и, поплевав на руки, приступал к ловле. Знаур стоял и ждал, когда дрогнет сеть. Тут требовалось не зевать и резко поднимать сачок. Если рыбак успевал, то в росистую траву, блестя чешуёй, плюхался крупный голавль или краснопёрка. Выловив несколько рыб, мы приносили их в садке на мельницу.

...Завтрак готовился на сковородке с кукурузным маслом. И всегда не так, как жарила рыбу в Шепетовке мама, обильно пересыпая её мукой. Мои предложения приготовить рыбу подобным образом, встречали молчаливый отказ, пока наконец тётя Зга не сослалась на то, что у нас нет муки. От удивления я чуть не поперхнулся: мука лежала толстым слоем на жерновах и железных деталях мельницы. «Её брать нельзя, – ответила тётя Зга, – Знаур считает муку в мешочки и отправляет на склад».

Могут сказать, что это Сталин так запугал людей. Ничего подобного! На городской толкучке всю спекулировали отрезами ткани, привезённой из Москвы, и другими товарами. И как не забирали милиция молодых людей, изготавливающих на дому модную лакированную обувь, подметки которой отваливались на следующий день, туфли появлялись на толкучке регулярно. В середине 60-х я чуть не попал в группу черноволосых крепких ребят, привозящих на свою базу, располагавшуюся в притеречных зарослях на южной окраине Орджоникидзе (потом там построили пионерлагерь «Лесная республика»), с одного из винзаводов ящики «Портвейна». С одним из них я познакомился в доме отдыха, он то и привёл меня в заброшенный дом, где в подвале, облицованном терским булыжником, находился целый склад вин. Мне удалось под благовидным предлогом отказаться от работы с ними, и я благодарен Богу за то, что и среди жуликов были благородные люди, ибо они поверили, что я не побегу в милицию доносить на них и отпустили меня с миром. Будто милиция не знала о домике в терских джунглях?!

В то же время я не согласен с Владимиром Познером, автором книги «Прощание с иллюзиями», что при Сталине была создана коррумпированная система. При всей жесткости сталинского режима, коррупции в СССР было намного меньше, чем сейчас. И вывоз миллиардов за границу, как ныне, не мог присниться никому даже в самом страшном сне.

...А дядя Знаур просто был одним из тех порядочных людей, их немало было в послевоенные годы, что не позволяли себе взять даже кроху из общественного добра. Такие люди понимали, что такое совесть и честь!

Обычно в жизни каждого человека происходит немало событий интересных и значимых не только для него, но и для других людей.

Работая над книгой «М.А. Булгаков и Владикавказ», я был удивлён отношением редактора местной газеты «Коммунист» Георгия Александровича Астахова к будущему великому драматургу и писателю. Астахова и его корреспондента, некоего Бокса, видно, задевало, что вчерашний врач деникинской армии с успехом ставит свои пьесы на сцене пролетарского театра и не боится с ним дискутировать на равных. Можно было бы понять, если бы против начинающего драматурга выступил недоучившийся гимназист или неудачник из пролетарских поэтов. Но ведь «яростный фанатичный гонитель» был из дворянской семьи, из одного с Булгаковым города Киева, окончил романо-германское отделение историко-филологического факультета Московского университета и знал несколько иностранных языков. И вот что он пишет: «Русская буржуазия, не сумев убедить рабочих языком оружия, вынуждена попытаться завоевать их оружием языка, объективно такой попыткой использовать «легальные возможности» являются выступления г.г. Булгакова и Беме на диспуте о Пушкине». И это только цветочки, ягодки появятся потом... на страницах большевистской газеты...

В будущем известный журналист и ученый-востоковед Г.А. Астахов сделает блестящую дипломатическую карьеру, будет возглавлять отделы печати посольств в Турции, Японии, Великобритании. Пик его карьеры придётся на Германию, где он займет должность временного поверенного в делах СССР (!) и приложит немало усилий по подготовке известного пакта Молотова-Риббентропа. Вращаться в высших дипломатических сферах в сталинское время было куда более сложным занятием, чем отстаивать ультралево-большевистские цели в борьбе с «недобитой» владикавказской буржуазией. Опытного дипломата арестовали, конфисковали имущество и осудили на 15 лет лагерей, где он умер от дистрофии. На суде Астахов виновным себя не признал, а в 1957 году был посмертно реабилитирован.

...Занимательные и необычные истории, удивительные приключения... Увы, в наше время не ведут дневников, не пишут мемуаров. Всё свободное время отнимают телевизор, интернет, планшеты и смартфоны... А ведь мир, обеднённый воспоминаниями, может превратить людей в физиологических роботов...

Дай Бог, чтобы подобное не случилось!

Если завтра война

Весть о войне пришла из чёрной тарелки репродуктора. Первой заплакала мама. Отец раньше обычного пришёл с работы и объявил, что завтра в клубе Бесланкомбината состоится собрание. На площадке перед клубом играл духовой оркестр. Начищенные до блеска трубы отражались в воде фонтана, в котором мы, пацаны, обычно купались. Всё было как обычно, но какая-то нервозность, взволнованность передалась от взрослых и нам, детям. Мы шли, держась за руки родителей и важничали, что на этот раз нас не задержат тётки-контролёрши, не дававшие нам в другие дни прошмыгнуть в зал без билета. В прохладном коридоре под осетинскую гармошку танцевали джигиты с девушками в жёлтых чесучовых платьях. Затем гармонистку сменил молодой парень. Он растянул меха баяна и защёлкал пальцами по клавишам. Окружившие его девушки в расшитых узорами платьях запели: «Если завтра война, если завтра в поход...»

На большей сцене стоял стол, накрытый красным бархатом, за которым сидели люди в гимнастёрках с блестящими на них орденами. «Директор комбината, начальники отделов, парторг, – объяснял маме отец. – А в гимнастёрке защитного цвета – военком района...».

Военком громко читал заявления от жителей с просьбой добровольно отправить их на фронт бить немецко-фашистскую нечисть. Добровольцы выходили на сцену, военком пожимал им руки и вручал повестку. Несмотря на то, что отцу как начальнику транспортного отдела предлагали бронь, он написал заявление об отправке на фронт. «Очень достойный поступок, – заявил в кабинете директора БМК военком, – в Красную армию должны идти не только рабочие, но и специалисты среднего звена – техники, инженеры».

А потом мимо нашего дома по железной дороге на запад один за другим стали проходить составы с повозками, выкрашенными зелёной густой краской. И мы, пацаны, недоумевали: зачем понадобилось на фронте столько повозок? Откуда нам было знать, что маршалы Ворошилов и Будённый первое время верили, что мотомеханизированные фашистские колонны можно разгромить кавалерийскими корпусами... В обратную сторону вскоре потянулись санитарные поезда с большими красными крестами по бокам и выглядывающими в окна ранеными солдатами.

Отца направили на краткосрочные офицерские курсы в Орджоникидзевское пехотное училище, и мы с мамой в течение месяца ездили к нему повидаться и привезти гостинцев. В очередной приезд он встретил нас в новенькой форме, в петлицах на гимнастёрке алели по два красных кубика. Перед отправлением в Грозный, где формировалась воинская часть, начальство отпустило его на сутки домой.

Впоследствии мама часто приводила мне отца в пример, восторгаясь его любовью к порядку, энергичностью и умением всё делать вовремя и быстро. И действительно, за сутки он сумел достать грузовую полуторку, погрузить в кузов корову, пожитки и отвезти к брату в Заманкул, а после этого перебросить в своё родное село и нас с мамой и бабушкой.

Поздней осенью 1941 года никто не предполагал, что немцы вскоре пойдут на Кавказ. Всё изменилось следующим летом. В небе вдруг начали появляться немецкие самолёты-разведчики, которые в народе называли «рамами». Они зависали над посёлком БМК, Заманкулом. Вокруг них клубились белые облачка от зенитных орудий, но в «рамы» зенитчики не попадали. А вскоре в ясный летний день мы впервые увидели настоящий воздушный бой. Два маленьких «ястребка» стали клевать фашистский истребитель. Потом хвост одного «ястребка» задымился, и самолёт плавными кругами стал опускаться за селением Тулатово. Другой наш самолёт улетел.

– Эх, куда ему до него! «Ястребки» – фанерные, а «мессеры» – бронированные, – с отчаянием сказал красноармеец, наблюдавший за боем. Он присел на камень, перемотал на ногах

обмотки и достал кисет с махоркой. Мы и не заметили, как Заманкул стал заполняться военными в серых выцветших гимнастерках, в ботинках с обмотками и пилотках с яркими красными звёздами. У каждого красноармейца к брезентовому поясу были прикреплены зелёная фляжка и по две гранаты-лимонки.

Красноармейцы помогали старикам и женщинам нарубить дрова, привезти из леса жерди для фасоли, натаскать воды из колонки, которая находилась на другом конце улицы, – нести оттуда полные вёдра в гору было трудно. Походы девушек за водой к колонке с медными кувшинами-гогонами, где они устраивали нечто вроде девичьего клуба, давно прекратились. Война списала многое из мирной жизни и прежде всего мужчин: отцов, мужей, братьев. Поэтому женщины в благодарность за помощь варят солдатам молочный суп с курицей и красными стручками перца, выносят тарелки со сваренными вкрутую яйцами, кардзын – кукурузные лепёшки, запечённые в печке на раскалённых углях. Старик в доме Муртазовых разливает из глиняного кувшина мутную, настоящую на травах, араку.

Дом Муртазовых на фоне строений из саманных кирпичей, обмазанных жидким навозом, самый богатый на нашей улице. К нему надо пройти через высокие деревянные ворота с аркой. Ворота распахнуты, под аркой лежит пьяный красноармеец. Товарищи, сидевшие с ним за столом, хотели доставить его в часть под руки. Но он отказался и рухнул на землю, как подкошенный пулемётной очередью. Его зовут в дом или хотя бы пройти под навес. Но он ругается и хватается за висевшие за поясом лимонки. Вечером в конце улицы появляются трое военных с винтовками. Они, конечно, вышли на поиски красноармейца. Сердобольная сноха Муртазовых заваливает пьяного охапкой сена. Патруль осматривает муртазовский двор, заглядывает в дом.

– Красноармейцы у нас были, – говорит старик Муртазов, – очень хорошо нам помогли... На охапку сена под аркой никто не обратил внимание.

Мы забрались в соседский сад и печём в костре картошку.

– Мае хаедзар, смотрите, что придумали! – кричит муртазовская невестка. – В небе немецкие самолёты гудят, а они им показывают, куда бомбы бросать.

В испуге мы разбрасываем головешки, грызём недоваренную картошку и придумываем новую проказу. Каждый из нас, а нас пять человек, должен пролезть под закрытыми воротами Муртазовых и дотянуться рукой до лимонок на поясе спящего красноармейца. Когда настает моя очередь, я, поцарапав спину о доски, пролезаю под воротами и, преодолевая страх, дотягиваюсь до висевших на поясе солдата лимонок и глажу холодную сталь. И вдруг меня будто ударяет электрическим током, точно так же, когда я однажды попытался засунуть пальцы в электрическую розетку. Это красноармеец открыл один глаз и произнес: «Смотри, взорвётся». Я в ужасе пролез обратно и, стуча зубами, побежал к ребятам. Они, конечно, мне не поверили...

– У тебя, Геник, видно, опять малярия, – с усмешкой сказал мой двоюродный брат Митя, самый старший из нас.

Утром красноармеец с лимонками вышел на улицу и как ни в чем не бывало пристроился к проходившей мимо колонне, направлявшейся к Сунженскому хребту, поросшему лесом, занимать позиции. Немцы уже подошли к селению Эльхотово и могли попытаться прорваться на Осетинскую равнину через невысокие холмистые горы по балкам и старым лесным дорогам. Видно, поэтому вслед за солдатами по улице проехали закрытые брезентом пушки. Их тащили лошади.

...Раннее утро, ещё не звенят вёдрами хозяйки. Дедушка Битко, живущий напротив дяди Знаура, ещё не выгнал из оврага своих коров, куда он загонял их, опасаясь бомбежки. Мы идем с бабушкой по улице, пахнувшей росой, коровьим навозом и глиной. У мечети, переделанной под клуб, нас догоняет первый, ещё робкий солнечный лучик. А у Цалыкского канала, обсаженного абрикосами и тутовником, лучик превращается в солнечное сияние, и в воздухе начинает пахнуть перегретой жёлтой травой и пылью. У камбилеевского моста – половина пути от

Заманкула до посёлка Бесланкомбината – мы прячемся в тень, падающую от высоких обрывистых берегов речки. Над нами летают стрижи, их гнезда – на глинистом обрыве. И более в небе ни одной птицы. Ох, как же трудно добираться до посёлка! Но идти надо, ибо я сопровождаю бабушку, которую мама попросила провести нашу квартиру. В ней и во дворе, кроме нашей собаки Шарика, никого не осталось, но надолго оставлять квартиру всё-таки опасно: её могут занять чужие люди.

– Потерпи, внучек, ещё немного, вон уже и элеватор виден, – подбадривает меня бабушка. Вот и переезд. Из будки выходит женщина, путевой обходчик в стёганных брюках и брезентовой куртке. Поверх куртки на поясе у неё пристёгнуты два скатанных в трубочки флажка: красный и жёлтый. Она, видно, знает бабушку, потому что без стеснения говорит:

– Вы, что, Липа, ненормальные, нашли время квартиру проводить, да ещё с мальцом? Немцы уже к Эльхотово подошли. Не сегодня-завтра их самолёты налетят.

– Дай Бог, останутся наши дома целыми, – крестится бабушка.

– Кто знает?! – неуверенно отвечает обходчица. – Ну, ладно, заговорила я тут с вами, а мне стрелки передвинуть надо. Вон он, милый, выползает на свет божий фашиста бить.

В это время из ворот комбината выходит странный состав, состоящий из железных башен с торчащими из них стволами пушек. «Сейчас в Беслане развернётся и покатит в сторону Дарг-Коха, – выдаёт военную тайну обходчица. – А вы, пока не поздно, тикайте в село».

В посёлке почти нет людей. Окна в домах прикрыты ставнями. Слова обходчицы не дают покоя. Не разделяет наше настроение лишь Шарик. Он так радостно вертится, подпрыгивает и в благодарность за то, что я принёс ему куриные косточки, пытается лизнуть меня в лицо. Бедный, кто его кормит целую неделю? Взять собаку в Заманкул нельзя, старшие говорят, что Шарика загрызут сельские псы, не примут чужака. И от обеда – картошки, сваренной в мундире, яиц с лепёшкой – я тоже оставляю крохи, чтобы покормить это дорогое мне существо с белой лохматой шерстью и чёрными бусинами глаз.

– Кушай, внучек, второе яйцо, всё остальное твоему Шарiku достанется, – ласково предлагает бабушка.

– А на завтра?

– Завтра мы чуть свет пойдём в Заманкул, нам бы побыстрее добраться до Хумалага. – Бабушка по-казацки так называет село Хумалаг.

Квартира в порядке, замки целы, и мы под пенье петухов, робко напоминающих о прошедшей мирной жизни, отправляемся в дорогу.

У хумалагского моста через Камбилеевку нас догоняет противный визгливый рокот немецких самолётов. «Хаваемся под мост!» – кричит бабушка. Над Хумалагом стальные птицы разворачиваются и летят на Беслан. Вчера весь день со стороны Эльхотово доносились взрывы, но то, что начинается сегодня, страшно: грохот такой, что кажется, немцы бомбят соседнее село Зильги. Я закрываю уши. В небе поднимается чёрный дым. Отбомбив, самолёты уходят, и на смену первой воздушной стае над Хумалагом разворачивается другая.

...Под вечер нас нашёл под мостом дядя Знаур и отвез на бидарке в село. Мама встретила нас заплаканная и постаревшая от переживаний.

В следующую субботу она пошла в посёлок БМК с женщинами, собравшимися запастись продуктами. Они уверяли, что комбинат разбомбили и охранники раздают масло, крахмал и патоку. Мол, всё равно немцам достанется. Вернулись они в тот же день вечером. Посланная за ними телега осталась почти пустой: комбинат не разбомбили, даже элеватор остался торчать, да и продукцию никто не разворовал. По просьбе мамы, всё-таки жена бывшего начальника транспортного отдела, женщинам дали всего понемногу. В Заманкуле мама долго не могла успокоиться. Вокруг нашего дома она насчитала несколько воронок от бомб, одна из них упала прямо под окнами нашей спальни и выпала огромную воронку. Осколки выбили окна, изре-

шетили стены спальни, обвалился потолок. Особо крупные куски штукатурки упали на кровать, на которой мы должны были спать с воскресенья на понедельник.

– И Шарик наш остался жив! – успокоила меня мама.

Немцы ни посёлок, ни комбинат не тронули. Они, как рассказали маме в посёлке, обрушились на бронепоезд. Пока тот разворачивался в Беслане, немецкая «рама» засекла его. С полевых аэродромов поднялись в воздух десятки фашистских самолётов и стали бомбить бронепоезд, штурмовики поливали стальные платформы пулеметными очередями. Уничтожить бронепоезд фашистам не удалось, но после боя состав уже не зашёл на стоянку в комбинат, а поехал на ремонт во Владикавказ. Вдоль железнодорожного полотна от Дарг-Коха до посёлка БМК остались небольшие холмики с деревянными пирамидками и прилаженными к ним вырезанными из жести звёздами. Только в начале 60-х, спустя почти два десятилетия после войны, останки погибших красноармейцев и командиров бронепоезда перезахоронили в братской могиле в сквере посёлка БМК. И после этого ежегодно на 9 мая в посёлок Бесланкомбината приезжали жёны, дети, родственники погибших бойцов с бронепоезда...

Немцы через Эльхотовские ворота не прошли. В последнюю атаку, как они считали – решающую, на окраине Эльхотово были собраны все имеющиеся у них в наличии тяжёлые и средние танки.

«...Иногда какому-нибудь танку удавалось прорваться к первой линии нашей обороны. Он осатанело утюжил пулемётные гнёзда, давил своей пышущей жаром многотонной тушей окопы, с диким рёвом вертелся на месте, делал убийственные восьмёрки, раздирая гусеницами трупы людей, валя деревья, разнося землянки и засыпая ходы сообщения.

Но редко какому из этих танков удавалось вернуться назад и скрыться на эльхотовских улицах. Наши бойцы, забыв от ненависти о страхе, забрасывали их гранатами и зажигательными бутылками, били по ним в упор из пушек и бронебоек. И если вражеские танкисты, выскочив из загоревшейся машины, пытались спастись бегством, их мгновенно пронзали десятки пуль.

Но даже бывалые солдаты уже изнемогали в этой напряжённой борьбе с танками. В секунды коротких передышек они почти не разговаривали друг с другом, только тоскливо посматривали на негреющее, равнодушное солнце – скорее бы ночь! Уже тошнило бойцов от запаха селитры, жжёного металла, крови и кипящего масла, который долго держится на месте танкового боя. Нервы людей стали сдавать.

В одно из таких мгновений, когда видно было по всему, что люди уже не в силах сдержать натиск врага, разведчики лейтенанта Лагутина доложили командиру батальона, что на юго-восточной окраине Эльхотово накапливается большая группа тяжёлых и средних танков.

Капитан Лишанков молча посмотрел на разведчиков покрасневшими от бессонницы глазами и, сняв трубку, закричал в телефон:

– Прошу прислать Ивана Петровича и Фёдора Павловича! Без них не выдержу!

Этими именами условно называли бронепоезда из дивизиона майора Кононенко.

Тяжёлые и нескладные были эти бронепоезда: вагоны не отличались ни строгой точностью линий, ни изящной обточкой, ни шлифовкой. С массивными, точно горные каменные глыбы, площадками, с тяжеловесными башнями и закованными в стотонные стальные кожухи паровозами, они были построены наспех.

Делали их рабочие-металлисты в далёкой Сибири. Недосыпая ночей, котельщики Новосибирского депо заковывали паровозы в толстенную броню; рабочие Нижнего Тагила оборудовали бронеплощадки. И, конечно, ни у тех, ни у других не было времени наводить красоту.

Добровольцы из Барнаула, Инской, Новосибирска, Прокопьевска заняли места в тесных отсеках вагонов у пушек и пулемётов и повели поезд на фронт. Приказом командования они были брошены на Кавказ и заняли участок на железнодорожной линии Беслан – Эльхотово.

Они поддерживали мощью своего огня всех защитников Эльхотовских ворот: и храбрую курсантскую бригаду, и полки, оборонявшие Терек, – всех, кто нуждался в их «огоньке».

Так было и в тот день, когда капитан Лишанков вызвал «тяжёлый дивизион».

Оба бронепоезда вышли из Дарг-Коха и на всех парах пошли к Эльхотово. Шпалы содрогались под их тяжестью, и рельсы глухо стонали, прогибаясь под колёсами. Бронепоезда подошли как раз вовремя: большие группы вражеских танков под прикрытием авиации ринулись на штурм Эльхотовских ворот.

Бронепоезда открыли огонь с короткой дистанции.

Начался один из самых ожесточённых и кровопролитных боев. Пикирующие вражеские бомбардировщики непрерывно бомбили наш оборонительный рубеж. Уже невозможно было дышать от пыли и чада. Противники почти не видели друг друга: горели леса над Терекком, и тучи густого дыма заволокли всю равнину.

Фашистские лётчики, нацупав позиции бронепоездов, обрушили на них десятки фугасных бомб. Полуголые, облитые потом артиллеристы и пулемётчики, отбивали двойную атаку – танков и самолётов. Ермакович, Бородуля, Прасолов, Омельчук, Попович, Диков, Костин, Стремоухов, Важинский – десятки ожесточившихся, покрытых кровью людей, стреляли из пушек и пулемётов, обливались водой, чтобы не задохнуться в отсеках от жары, и снова стреляли.

На бронепоезда в одни из заходов налетело семьдесят пять самолётов. Раненый наводчик Фёдор Корешенков бьёт из пушки и насквозь пробивает фашистский самолёт, из которого один за другим выбрасываются лётчики.

В одном из вагонов загорелись ящики со снарядами. Пятьсот смертоносных снарядов было в этих ящиках, а рядом тридцать тысяч патронов!

Окровавленный, чёрный от грязи, бросается туда подносчик Афанасий Вадиловский и начинает растаскивать и тушить ящики. На помощь ему бегут товарищи.

Взрыв предотвращён.

Вражеские самолёты уже отбомбились, но танки лезут и лезут, стремясь во что бы то ни стало смять и рассеять редующие ряды защитников Эльхотовских ворот.

– Держаться до последнего! – приказывает Лишанков.

– Бить паразитов до конца! Отбить фашистскую сволочь! – приказывает командир курсантской бригады.

– Накрыть гадов минами! – приказывает «катюшам» майор Дятленко.

«Держаться», «отбить», «накрыть» – эти короткие слова несутся по кабелю полевых телефонов, и, если кабель рвётся, его зубами соединяют раненые связисты.

Эти слова выкрикивают связные, бегущие сквозь пламя от взвода к взводу:

– Держаться!

– Отбить!

– Накрыть!».

Это описание боя у Эльхотовских ворот я прочитал ещё в школе в книге советского писателя Виталия Закруткина «Кавказские записки». И с той поры считаю записки военного корреспондента самым подробным и чётким рассказом о развернувшемся в 1942 году сражении на Терских рубежах и неудавшихся попытках гитлеровцев взять Орджоникидзе (Владикавказ), прорваться к Военно-Грузинской дороге и кавказской нефти.

И немалую роль в этом сыграли наши броненосцы. Только тогда, осенью 42-го, я не знал, что их было два, а писателю сообщили, что фашистские лётчики напали на бронепоезда только у Эльхотовских ворот. Нет, десятки и сотни фугасных бомб, свинцовые очереди крупнокалиберных пулемётов обрушились на «Ивана Петровича» и «Фёдора Павловича» в Дарг-Кохе... И это необычное сражение продолжалось до посёлка Бесланкомбината.

Шпион в белых подштанниках

Эвакуация... Это пробравшееся в русский язык латинское слово было летом и осенью 1942 года у всех на слуху. Его произносили по радио, часто повторяли взрослые. Даже не знавшая грамоты бабушка, отказавшаяся до войны посещать курсы по ликвидации неграмотности, которые вела в поселке БМК мама, приходя с базарчика, сообщала: «Комбинат эвакуируют, а элеватор будут сносить, чтобы немцы не знали, куда бомбы метать». Вряд ли в то время кто-то из людей, повторявших это слово, открывал словарь иностранных слов и читал: «Эвакуация – вывоз населения, предприятий, учреждений и имущества из местности, находящейся под угрозой неприятельского нападения...». Но все понимали, что это слово означает внезапное изменение устоявшейся жизни, расставание с родными местами, домом. Беда, как снежная лавина, внезапно обрушившаяся на страну, заставила мыслить по-взрослому даже детей.

Из Тбилиси позвонил отец и сообщил, что ему разрешили эвакуировать свою семью в тыл, в Грузию, и чтобы мы готовили документы. Город Орджоникидзе окутал плотный туман, так что шофёру комбинатовской полуторки, подбросившей нас с мамой в город, пришлось включить фары – две узкие щели, через которые еле-еле пробивался синий свет. Ездить с открытыми фарами запрещалось. Улицу Цаголова, где в крохотной комнатухе проживала сестра отца Зга с сыном, шофёр нашёл не сразу. По Чугунному мосту нас не пропустил военный патруль, и пришлось добираться кружным путём через железнодорожный вокзал.

Деревянные ворота с надписью «Во дворе злая собака» скрипели от поднявшегося ветра. Собаки во дворе я не видел, её никогда и не было. Двор напоминал облицованный камнем колодец: несколько шагов в длину и столько же в ширину. Над колодцем висели застеклённые галереи. Жители в основном проживали на втором этаже. Внизу были две квартиры, одна из которых, как её называла тётя, – голубятня, состояла из прихожей и сырой, темной комнатухи и принадлежала ей с сыном. Остальное пространство занимали сараи и туалет, разделённый на две половины перегородкой из досок. В туалете было темно, в неисправных ржавых бочках журчала вода. Когда в колодец заглядывали редкие солнечные лучи, хозяйки верхних квартир вывешивали большие, побитые молю, ковры, уменьшая двор до крохотной, как у пивной на соседней улице Краснорядской площадки. В общем, двор на Цаголова, 19 совсем не был похож на соседние, в которых мальчишки ухитрялись гонять футбольный мяч. В тесном дворе не было места, где могли посидеть и посудачить женщины и поиграть в нарды мужчины.

Мама пошла в НКВД оформлять документы на выезд, поручив тёте и её сыну, пятнадцатилетнему подростку, присмотреть за мной. Двоюродный брат Митя отнёсся ко мне, как на свалившуюся с неба обузу и пригласил «прошвырнуться», посмотреть, как наши готовятся встретиться немцев. Мы перешли Чугунный мост, обманув часовых, что идём домой, на Молоканку. У недостроенного здания гостиницы улицу перегораживал огромный колпак дота. Вокруг ходили часовые с винтовками в руках.

– Пацаны, вам атаман не нужен? – обратился к нам мужчина, одетый в телогрейку и такие же стёганные штаны. На его лице появилась какая-то странная улыбка, он засмеялся. Смех был неестественным, о чём говорило выражение серых глаз. Он улыбался, а глаза оставались настороженными и серьёзными.

– Иди, Миша, домой, весь день к людям пристаёшь, – сказал ему красноармеец с винтовкой. – И чего ты здесь с утра крутишься?

Миша заморгал глазами, дёрнул щекой и нагнулся, подобрав с земли медный пятак.

– Копеечку нашёл, теперь на неё Миша купит на базаре хлеб, – и смешно поскакал на одной ноге.

– Миша – юродивый, – объяснил брат. – У нас их трое. Они весь город поделили: один ходит по проспекту и просит: «Сегодня суббота – дайте рубль». У другого – вокзал железнодорожный. А этот недавно появился, говорят, с беженцами из Москвы прибыл.

– Московские нищие – не чета нашенским, – поддержал разговор присоединившийся к нам у Чугунного моста Ашот с улицы Армянской. – Наши все в рванье, а Миша-юродивый в телогрейке и штанах, будто вчера на военном складе получил.

За мостом ребята прыгнули с берега к кромке Терека и направились к площадке на песчаной отмели, закрытой кустами и валунами. Здесь у пацанов с улиц Армянской, Баева и Цаголова располагался, как они говорили, штаб, где можно было, не опасаясь нагоняя от взрослых, покурить, а то и хлебнуть самогонки, закусив помидорами и сухарями.

В те годы я ещё не курил и не пил спиртных напитков, поэтому стал приставать к ребятам с расспросами о Мише-юродивом и его военном одеянии.

– Ашот прав, – подтвердил другой дружок брата, которого все почтительно звали Юрой-рыжим. – Кинто мне рассказал (Кинто был вором-карманником и пасся у пивных будок), что заметил, как Миша-юродивый достал из кармана несколько хрустящих бумажек. Пока тот пил пиво из кружки, Кинто залез ему под телогрейку, и тут же почувствовал, как юродивый цепко схватил его за запястье. Не поворачивая головы и продолжая цедить пиво, Миша прошипел: «В следующий раз полезешь – убью, пошёл вон!». Кинто показал мне даже руку с синяком, – закончил свой рассказ Юра-рыжий.

– Гад буду, если он не шпион! – заявил Ашот.

– Его уже проверяли, все чисто, документы в порядке, – авторитетно заявил Юрка-рыжий, отец которого командовал группой самозащиты в центре города. – Правда, – вспомнил Юрка, – когда Кинто выдернул руку, то под телогрейкой увидел белое, как снег, бельё. Люди кусок мыла берегут, как золото, а нищий ходит в белоснежном бельё!

Все промолчали, не зная, что сказать...

Домой мы вернулись ближе к вечеру вместе с Юркой, которого брат пригласил поужинать, зная, что у того мать перед войной уехала в гости к родственникам на Украину и оказалась на оккупированной территории.

Тётя Зга усадила нас за стол и разложила по тарелкам кашу с тыквой, поставила тарелку со свежесваренной капустой и блюдец с оладьями, политыми киселём из мушмулы. Она работала на консервном заводе и поэтому накрыла такой «богатый» стол.

– Какая вкуснятина! – Юрка облизал ложку, – а мы делаем кашу из проса, мешая её с пивной бардой, – отец откуда-то принёс.

– Ой, как же это из барды, ведь заболеть можно! – запричитала тётя.

– Да пока ничтяк, всё же лучше, чем ложиться на ночь голодным, группы самозащиты не получают военное довольствие, как и все гражданские, сидят на карточках.

Пока он говорил, я подложил в его тарелку свой оладик. Война заставила детей не только быстро взрослеть, но и пробудила даже в чёрствых натурах чувство жалости и доброты. Мы ещё не успели допить компот, как в чёрной тарелке репродуктора внезапно затрещало, раздались воющие звуки сирены. «Воздушная тревога!» – объявил женский голос и призвал спуститься в бомбоубежище.

– А у нас поблизости нет бомбоубежища, – обреченно развела руками тётя. – А ты куда? – удивилась она, заметив, как я засобирался в туалет.

– Отец говорил, что немцы пока бомбят лишь военные объекты и заводы, – опять авторитетно заявил Юрка, – а жилой фонд они, наверное, хотят сохранить для себя. Ну, вот им! – и он показал пальцами шиш. – Разбрасывают листовки и уверяют, что будут зимовать на квартирах во Владикавказе, нашем Орджоникидзе... Много захотели...

До журчащего водой туалета было несколько шагов. В окно дворового колодца виднелось небо и огненные полосы на нём. И вдруг где-то рядом раздался хлопок, шипение и двор наполнился ярким светом, который вскоре превратился в красную нить ракеты.

На улице раздался топот ног, кто-то кричал: «С пожарной каланчи, гад, ракеты пускает, немцам корректирует огонь». Крики заглушил страшный вой бомб и взрывы. Я со страху прижался к дощатой стене перегородки туалета и вздрогнул: кто-то зашёл в соседнюю открытую кабинку и спустил воду. В щель перегородки я заметил Мишу-юродивого, положившего какой-то предмет в бачок и тут же покинувшего туалет и уже во дворе застёгивающего брюки.

– А ну-ка стой, – крикнул кто-то у ворот. – Ты что тут делал?

– А что делают, гражданин начальник, в уборной? – и Миша-юродивый захихикал.

– Оставь его, это же Миша-дурачок, – сказал другой голос.

– Дурачок, не дурачок, а в штаб мы его отведём.

Вернувшись в комнату, я рассказал обо всём увиденном и услышанном. Юрка-рыжий поднялся и предложил последовать за ним в штаб самообороны, где он взял всё в свои руки и авторитетно, как он это умел делать, сообщил о том, что задержанный положил какой-то предмет в бачок туалета.

Вскоре бойцы самозащиты принесли обнаруженную в бачке ракетницу и предъявили танцующему и поющему Мише. «Юродивый» сразу изменился в лице и неожиданно предложил отпустить его, ибо не сегодня-завтра доблестные войска фюрера займут город и он сможет защитить тех, кто его освободит.

За немецким сигнальщиком вскоре пришли военные в синих шинелях, и он, проходя мимо, обжёг нас колючим взглядом, поняв, что именно кто-то из нас видел, как он прятал ракетницу в бачке. Офицер НКВД поблагодарил нас за помощь и пожал, как взрослым, руки, а Юрку-рыжего обещал представить к награде.

– Ты почему не сказал, что это ты увидел, куда спрятал ракетницу шпион? – ругал меня брат. – А теперь медаль получит Юрка-рыжий!

В то время я ещё не знал, что очень важно в жизни очутиться в нужном месте в нужное время. Но о своей скромности не жалею до сих пор. Отец, узнав об этом, сказал: «Молодец! Случайная бдительность наградой не отмечается».

Счастливая Клава

Для того чтобы описать эту фотографию мне не обязательно доставать с полки старый семейный альбом, – я её хорошо помню. На фотографии изображены четыре молодые девушки – студентки Орджоникидзевского индустриального техникума. Принаряженные, в белых кофточках, с накинутыми на плечи вязаными шарфиками-косынками. Но девушка рядом с мамой – Клава – отличается и одеждой, и внешним видом: на ней красивое, из ткани, которую взрослые с гордостью называли крепдешинном, платье и крупные бусы на точёной шее, аккуратный носик, тонкие стреловидные брови и не завивка, как у подружек, а ниспадающие на плечи чёрные косы.

Детские воспоминания, подобно тучкам на небе, то сойдутся в единое целое, то разлетятся подобно мыльным пузырям. Кстати, в те годы игрушками нас родители не баловали, и пускать мыльные пузыри было любимой забавой: в блюде разводили мыло и через пшеничную соломку выпускали переливающиеся в солнечных лучах шарики. Ещё мы играли в лапту с маленьким резиновым мячиком. А когда он рвался, били палкой круглые булыжники. Девчонки играли тряпичными куклами.

Но самым любимым моим занятием было ходить в гости с родителями. «А, опять хвостик пришёл», – дразнили меня мамины и папины друзья, хотя знали, что шестилетний мальчишка в застиранной матроске никогда не капризничает, не садится со взрослыми за стол, всегда отказывается от угощений, даже конфет – любимой белорозовой пастилы и тягучего мармелада. Взрослые занимались своим делом, а я – своим: разглядывал этажерки с книгами, перебирал пластинки и аккуратно крутил ручку патефона.

«О, какой помощник у тебя, Женечка, растёт», – говорили довольные хозяйки, ибо для того, чтобы послушать любимую мелодию, приходилось отвлекаться: вынуть пластинку из ящика с конвертами, протереть её тряпочкой, почистить иглу, покрутить ручку патефона и при этом не сорвать пружину. И тогда уже наступал волшебный момент: аккуратно поставить никелированную мембрану на пластмассовую дорожку и после короткого шипения иглы услышать звуки музыки.

Читать я не умел, но наловчился узнавать названия песен и маршей по цвету этикеток. «Геник, поставь «Мой костёр», – просили взрослые, и я доставал пластинку с сиреневой этикеткой. «А теперь песню Утёсова», – и я с осторожностью водружал на блестящий стержене́к пластинку с красной этикеткой.

Видно, уже зная мою непритязательность, мама иногда брала меня в город на занятия в техникум, где я тихо сидел на задней свободной парте, не привлекая внимания студентов, дожидаясь, когда мы пойдём в городской парк покататься на лодках. Однажды тётя Клава купила мне круглое дорогое мороженое, и я к удивлению мамы не отказался принять лакомство. В другой раз подарила игрушку – пирамиду с разноцветными деревянными кружочками, которые нужно было нанизывать на полочку в середине.

Красавица Клава, дочь инженера-нефтяника из Грозного, была самой богатой из подруг, поэтому часто угощала их обедами в столовой на проспекте. «Счастливая ты у нас, Клава», – часто говорили подруги.

Перед самой войной Клава вышла замуж за инженера и уехала с ним в Москву, а летом 1942 года неожиданно появилась на пороге нашего дома в посёлке Бесланкомбината. Оказалось, что она приехала проведать мужа, который попал в десантные войска и перед отправкой на фронт находился в Беслане. Мама встретила Клаву приветливо, накормила, сводила в комбинатовскую баню и предложила, если она пожелает, то может прийти к нам ночевать с мужем. Места хватит – отец находился в пехотном училище, и мама может уступить им комнату.

То ли в знак благодарности, то ли уловив мой завистливый взгляд во время её рассказов о десанниках, но Клава стала брать меня с собой. Каждое утро мы шли по шпалам к станции Беслан. Утром выдавался небольшой промежуток между бесконечными эшелонами, которые шли на Запад, где полыхала война, и, судя по беспокойным лицам взрослых, она все ближе подбиралась к Кавказу.

Поздно вечером мы опять по шпалам возвращались домой. Тётя Клава с мужем, взявшись за руки, о чем-то говорили, а я, усталый и счастливый, переполненный впечатлениями, мечтал как можно скорее добраться до кровати, притворившись, что нет сил помыть ноги.

Десантники располагались на поляне, где нынче находится Правобережный военкомат. На обширном зелёном поле – выгоне – стояли брезентовые палатки, в которых жили бойцы. До обеда они слушали лекции, а потом шли на учения на соседнее поле, на котором под маскировочными сетками угадывались очертания «кукурузников». Самолётики были сделаны из фанеры, и курсанты передвигали их по полю, как игрушки. В полдень после занятий «кукурузники» поднимались в небо, и из них сыпались парашютные шары.

Тётя Клава тоже не сидела без дела: в большой палатке-столовой она помогала курсантам накрывать столы, а потом мыть посуду.

– Счастливая вы, Клавка-Клавуша-Клавдия, – так, в зависимости от возраста, курсанты обращались к женщине. – Не каждой дано так проводить мужа на фронт!

Когда я повзрослел, я понял, почему в десантном полку разрешили находиться женщине и ребёнку, которого она поставила на довольствие, ибо я вместе с курсантами не пропускал ни обеда, ни ужина. В алюминиевой тарелке мне как взрослому подавали суп с макаронами, заправленный тушёнкой, луком и перцем, а в пол-литровую металлическую кружку наливали компот из сухофруктов. Даже хлеб, который я не очень-то любил после того, как в Заманкуле попробовал испечённый на углях чурек-кардзын, казался каким-то особенно вкусным, не таким, как в хлебном комбинатовском магазине, где продавщица разрезала булки огромным, привинченным к столу ножом. В Красной Армии всегда с уважением относились к жёнам командиров и разрешали помогать на кухне и медсанчасти убирать помещения.

Началось подобное отношение после того, как жена красного командира Валентина Хетагурова призвала молодых женщин ехать на Дальний Восток. На её призыв откликнулись техники, инженеры, врачи. «Хетагуровки», как называли последовательниц Валентины, создали особый климат в армии, сформировали у офицеров уважительное отношение к женщине. Было создано много молодых семей, что, наверное, и было целью призыва. К сожалению, при написании биографии генерала Георгия Хетагурова, уроженца осетинского селения Цми, для Большой Советской Энциклопедии подвиг его супруги не нашёл в ней отражения. А ведь она помогла устроить личную жизнь тысячам советских людей и заселить далекий российский край.

...После обеда курсанты отдыхали тут же, за дощатыми столами, читали газеты, слушали выступления политработников, изучали карты. А мне, сытому и довольному, всё-таки было немного неудобно, и чтобы их как-то отблагодарить, я решил читать им стихи, которые завершались громкими призывами: «Самураям конец, фашистам хана!». Десантники хохотали до слёз и перед очередным моим выступлением на их лицах расплывались добрые улыбки.

Конечно, ни в тир на стрельбы, ни в палатку, где собирали и разбирали парашюты, ни на лётное поле нам с тётей Клавой ходить не разрешалось. Раз в неделю на зелёном выгоне приземлялся большой двухмоторный самолёт и на его фоне учебные «кукурузники» казались фанерными игрушками. Самолёт окружали красноармейцы с винтовками и пропускали очередных, прошедших подготовку, курсантов. Они шли, одетые в комбинезоны, нагруженные парашютами. Перед тем как залезть в люк, каждый из них оборачивался и махал провожающим, сгрудившимся у палаток.

Наконец, настала и очередь мужа тётки Клавы идти к большому самолёту. В последний момент он так же, как и все, обернулся и поднял руки. Даже издалека было заметно, что дядя Коля прощался с зелёным полем, палаточным лагерем, последним днём мирной жизни...

После отъезда дяди Коли короткий путь по рельсам через станцию Беслан, по которому нас с дядей Колей, предъявлявшим удостоверение часовым, охранявшим составы, пропускали, стал для нас с тёткой Клавой закрытым. И мы пошли мимо железнодорожных домов у старой станции по шоссе. От переезда до посёлка среди поля в то время было лишь два строения: кирпичная двухэтажная больница в саду и домик семеноводческой станции.

– Уже? – спросила мама подругу.

– Сегодня в обед, – ответила тётка Клава и тяжело опустилась на табуретку. Она попыталась улыбнуться, но вместо этого по её красивому лицу потекли слёзы, образуя маленькие ручейки. Она вытирала их ладонями, не имея, видно, сил достать платок.

Утром она засобиравшись к родителям в Грозный, а оттуда решила отправиться в Москву, где у них с мужем была комната в коммунальной квартире. Перед отъездом тётка Клава открыла свой блестящий кожаный чемодан и достала несколько банок консервов, пакетики с кофе и какао.

– Это моему верному спутнику, юному борцу с самураями и фашистами, от меня и Коли. Мама замахала руками:

– Отвези лучше родителям, мы с маисовым комбинатом не пропадём...

...Поздней осенью 1943 года, когда мы вернулись из эвакуации в Тбилиси, поселковый почтальон Маруся принесла нам письмо из Москвы.

– Покуда вы находились в эвакуации, я его в сумке хранила, ещё летом пришло. Чувала, что в нём важные известия, война ведь.

Бабушка усадила Марусю выпить чаю с патокой и засахаренным вареньем. Почтальон сняла свою тяжёлую сумку, дожидаясь, пока мама прочтёт письмо. Пересказывать письмо мама не стала, только произнесла: «Клава пишет, что Коля погиб под Ростовом».

...Много лет спустя, когда я работал в музее краеведения, я попал по работе в одну владикавказскую семью, проживающую на улице Революции. Пока мои коллеги рассматривали старинный граммофон, я с любопытством изучал дореволюционные – на толстом картоне и советские – на тонкой бумаге фотографии в семейном альбоме.

– Ой, счастливая Клава! – воскликнул я от удивления, увидев знакомую с детства фотографию студенток индустриального техникума.

– А вы откуда знаете мою племянницу? – удивилась хозяйка. И мне пришлось рассказать всё, о чём написано выше.

– А ведь Клава действительно счастливая женщина, – поддержала тему хозяйка, – и её подруги были недалеко от истины. Муж её, Николай Владимирович, не погиб под Ростовом! Попав в плен, бежал, был в партизанском отряде и израненный, но вернулся в Москву. Они до сих пор живут в столице. Меня не навещают, как и Грозный. Признаются, что тяжело вспоминать свою молодость. А вот дети – сын и дочь – приезжают в Орджоникидзе, им здесь очень нравится. Если хотите, я вам дам их московский адрес.

Но адрес я не взял. Как-то неловко было напоминать о семилетнем мальчишке, наседавшем двум молодым людям, которые, возможно, прощались навсегда. Хотя, признаюсь, я много раз сочинял это письмо, даже придумал концовку: «Самураям конец, фашистам хана!». Но так и не написал. Возможно, и потому, что «счастливая Клава» дождалась с войны своего супруга, а её подруга, моя мама, потеряла мужа, моего отца, уже после победы над Японией. Отец был зверски убит бандеровцами на станции Шепетовка...

Браслет из янтаря

С началом войны всё изменилось. Люди перестали одеваться в светлые одежды, ходить по воскресеньям весёлыми компаниями в парк культуры и отдыха. Мама, навещая отца в пехотном училище, часто оставляла меня у тёти Зга, чем я был очень доволен. С местными ребятами, с которыми я успел перезнакомиться, мы уходили на Терек, к Армянской церкви, где на поляне устраивали различные игры. «В Америку за золотом, из Америки пушки палят», – кричал пацан, перепрыгивая через согнувшегося «маявшегося» товарища. Сказав эти слова, необходимо было успеть перепрыгнуть. В стороне на бревне сидели местные, как они себя называли, «урки», все в тельняшках, шароварах, заправленных в сапоги с белыми отворотами. Они играли в карты, временами поглядывая, не покажутся ли из-за кустов милиционеры. К нам они относились благожелательно, ибо играющие пацаны были для них хорошей ширмой. Старший из них, с чубом, выбивавшемся из-под фуражки, и железной фиксой во рту время от времени даже подбадривал нас: «Ай да пацанёнок, летит, как красный ястребок, так и до Америки долетишь!».

Как-то он неожиданно взял колоду карт, развернул её веером и бросил в Терек. «Всё, прощай игра, завтра мне постригут чуб, из хромовых сапог переобуют в кирзачи. Пришла повестка защищать родину. Поэтому сегодня гулянуть хочу».

– Что мы можем для тебя сделать, Митяй? Хочешь самогона с Осетинки приволокем, консервов, помидоров? – предложили урки.

– Нет, братаны, отпадает, Лизку хочу напоследок увидеть, проститься.

Митяй повернулся к нам и поманил меня пальцем.

– Подь сюда, ты приличнее всех одет, в матроске, новых штанишках. Лизка любит чистеньких, благородненьких. Знаешь, где она живёт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.